

КШИШТОФ ЗАГУРСКИЙ,

*профессор Института политических исследований
Польской академии наук, Варшава*

Жизненный цикл и другие детерминанты субъективного благополучия¹

Abstract

This paper concerns life cycle related changes in subjective material living conditions, evaluated in terms of perceived past improvement or deterioration and

1

Данная статья представляет собой доклад, сделанный на Конференции Европейской социологической ассоциации, состоявшейся в Колчестере 27–30 августа 1997 г. Предыдущий вариант доклада был представлен на полугодовой сессии Исследовательского комитета “Социальная стратификация и мобильность” Международной социологической ассоциации в Тель-Авиве 18–20 мая 1997 г.

Польские данные, анализируемые в этой статье, заимствованы из международного опроса экономических отношений (International Survey of Economic Attitudes) за 1997 г. Основные исследования выполнили (в алфавитном порядке): К.Загурский, Дж. Келли, Я.Френцель-Загурская и М.Д.Р.Эванс. Они представляют Исследовательскую школу социальных наук Австралийского национального университета и Институт политических исследований Польской академии наук. Анкета опроса и методика анализа были разработаны К.Загурским частично во время работы в Институте прикладных экономических и социальных исследований Мельбурнского университета в сотрудничестве с Д.Хардингом. Опрос 1997 г. в Польше проводился при поддержке Фонда социального обеспечения (Варшава), Программы поддержки исследований Центрально-Европейского университета (Прага) Института политических исследований Польской академии наук. Проводился он Центром исследований общественного мнения (Варшава). Цитируются и некоторые результаты более ранней волны опросов из Международного исследования экономических отношений в Польше (1994, рук-ль К.Загурский), Финляндии (1994, рук-ль О.Кэнджес) и Австралии (1995, рук-ль Дж. Келли). Идеи и интерпретации, представленные в этой статье, принадлежат, конечно, исключительно К.Загурскому. Статья содержит несколько кратких фрагментов более обширной работы К.Загурского о временном горизонте оценок и ожиданий относительно условий жизни в Австралии, изданной Мельбурнским Институтом прикладных экономических и социальных исследований.

expected future improvement and deterioration in different time horizons. The research refers to the tradition of consumer confidence surveys in order to study how the positions occupied by individuals in the socio-economic structure influence their perceptions of material living conditions, when the actual material conditions are kept controlled. It is concluded, that perceptions of the past and expectations for the future, determined by the life cycle, are influenced by location in particular segments of social structure, labour markets, and moreover, grossly differ between age cohorts.

А. Концептуальные и методологические основания

Эта статья посвящена связанным с жизненным циклом изменениям в субъективном восприятии материальных условий жизни. Последние оцениваются в соотношении с прошлым улучшением или ухудшением и ожидаемым в будущем улучшением или ухудшением в различных временных горизонтах. Исследование основывается на традиции опросов мнений потребителей, но в значительной степени выходит за их традиционные рамки с тем, чтобы исследовать, как положение, занимаемое индивидами в социально-экономической структуре, влияет на их восприятие материальных условий жизни в сопоставлении с действительными материальными условиями. Анализируется также обусловленность этих действительных условий социально-экономическим положением. Рабочая гипотеза состоит в том, что уровни восприятия прошлого и прогнозы на будущее, определяемые жизненным циклом, зависят к тому же от места в конкретных секторах социальной структуры и на рынке труда. Кроме того, они различаются по возрастным группам таким образом, что учет возраста весьма снижает воздействие места в социально-экономической структуре на интересующие нас параметры — восприятие и ожидания.

Проведенный анализ расширяет сферу традиционного исследования, включая в нее определение дохода и накопление материальных благ. Не вдаваясь во все аспекты определения дохода и благосостояния, возможно даже весьма упрощая этот вопрос, исследование рассматривает фактический доход и благосостояние как детерминанты (хотя далеко не исчерпывающие) их восприятия и ожиданий. Предположение, что фактическая ситуация определяет восприятие и оценку, является, конечно, тривиальным, однако характер этой связи отнюдь не тривиален, поскольку и на восприятие, и на оценки влияет множество различных факторов. Наша цель состоит в том, чтобы понять, в чем состоит прямое влияние социально-демографических характеристик людей на их восприятие и оценки комплекса условий жизни в реальной жизненной ситуации, и в какой мере это влияние проявляется косвенно, через восприятие фактических условий.

Исследовательский подход следует парадигме исследования благополучия [3; 7; 9; 14], хотя это и ограничивает исследование “областью” материальных условий жизни. С другой стороны, мы распространяем традиционную парадигму исследования благополучия, проводя различие между: (а) восприятием или ожиданиями относительно материальных условий жизни и (б) материальным благополучием. Последнее физиологи, социологи и экономисты обычно определяют как психологическое чувство удовлетворения, однако экономисты, как правило, не считают это определение

точным, хотя и пользуются концепцией благополучия как психологической характеристики, предопределяющей совокупное поведение в условиях рынка и объясняющей выбор решения [9]. Это делает термин “субъективное благополучие” избыточным и тавтологичным с точки зрения как психологии, так и экономики. Если принять такой подход, то никакого “объективного благополучия” нет, хотя объективные черты материальных условий жизни и их объективная мера существуют.

Предыдущие исследования показывают, что налицо лишь умеренная корреляция между фактическими материальными условиями жизни, включая доходы, и удовлетворенностью этими условиями [9]. Мы предполагаем, что восприятие представляет собой отсутствующее в большинстве из проводившихся до сих пор исследований звено в связи между объективными условиями жизни и их субъективными оценками. Кроме того, мы предполагаем, что на удовлетворенность очень влияет соотносительное восприятие условий жизни, которые видятся лучшими или худшими, чем некие эталонные условия. В качестве последних могут выступать условия жизни некоторых референтных групп (таких как друзья, представители подобной профессии или класса, “средние” граждане, другие общности или сообщества и т.д.) или условия жизни в прошлом и перспективы на будущее.

Эта статья сосредоточена на восприятии актуальных материальных условий жизни в соотношении с прошлыми и будущими. Лишь минимальное внимание будет уделено в самом конце отношению между восприятием и удовлетворенностью. Такие отношения заслуживают совершенно особого, весьма широкого анализа. Кроме рассмотрения обусловленности восприятия социально-экономическими характеристиками, местом в социально-экономической структуре и фактическими материальными условиями, мы попытаемся определить пределы временных горизонтов, в которых различия в восприятии являются психологически наиболее существенными.

Вопросы относительно прошлых и будущих материальных условий жизни, анализируемые в этой статье, разработаны в соответствии с традицией опросов мнения потребителей.

Экономическое поведение, особенно сбережения и расходы, зависит как от объективных характеристик индивидов, так и от их мотивации. На последнее, в свою очередь, ощутимо влияют субъективное восприятие экономических условий и ожидание их перемен [12; 24]. Этот тезис составляет главный смысл опросов относительно потребительского мнения, называемого также настроением потребителей. Опросы по изучению мнения потребителей систематически проводятся с начала 1950-х годов во всем мире, охватывая все большее число стран [26].

Индексы мнения потребителей состоят из нескольких, обычно не более чем пяти субъективных показателей, извлеченных из репрезентативных выборок населения. Вопросы обычно касаются оценок прошлого и будущих (ожидаемых) перемен в экономических условиях жизни семей респондентов и населения в целом, а также мнений о том, являются ли нынешние времена благоприятными для приобретения основных предметов домашнего обихода. В результате международных усилий по стандартизации индексов вопросы различаются по странам весьма незначительно.

Обычно опросы проводятся ежемесячно по репрезентативным для нации выборкам.

Накопленные эмпирические данные доказывают, что мнение потребителей — ценный инструмент экономических оценок и прогнозов [10; 17; 21; 25]. Опросы мнения потребителей и другие подобные меры являются надежным основанием для прогнозирования потребления [1; 2; 6; 22]. Они используются в качестве ведущих (определяющих) показателей для деловой активности и в большой степени коррелируют с другими предвестниками его циклов [1; 13; 31]. Кроме того, они отвечают трем критериям валидных социальных показателей: (а) они измеряют такие аспекты общественной жизни, которые часто оцениваются людьми как положительные или отрицательные; (б) они связаны с демографическими, социально-профессиональными и экономическими характеристиками индивидов или их домашних хозяйств; (в) их можно использовать для объяснения, по крайней мере отчасти, человеческого поведения или установок, типа политических симпатий, поддержки партий, голосования и в равной мере экономических и социальных отношений [15; 16; 18; 28; 29; 31]. Мы считаем, что они могут быть полезны и при исследовании благополучия, а также что их связь с фактическими материальными условиями и с другими социально-экономическими характеристиками людей оправдывает их включение в стратификационные исследования.

Б. Показатели

Формулировка вопросов и описание всех показателей, используемых в анализе, представлены в ***Приложении 1***.

Лишь один показатель, а именно благополучие, нуждается в дальнейших пояснениях. Он был построен как отражение средней “относительной ценности” десяти предметов домашнего обихода, принадлежащих респонденту: стиральной машины, холодильника, микроволновой печи, посудомоечного агрегата, цветного телевизора, проигрывателя компакт-дисков, видеомэгагнитофона, телефона, автомобиля и дачи. Нолем обозначалось отсутствие в домашнем хозяйстве респондента данных предметов. Всем принадлежащим ему предметам присваивалось значение ценности, обратно пропорциональное проценту респондентов, обладающих данным предметом, относительно всего населения. Таким образом, если 85% респондентов заявили, что они обладают этим предметом, ценность этого предмета определялась как “15”. Если только 10% респондентов обладали данным предметом, его ценность определялась как “90”, и т.д. Предполагалось, что чем меньшее число респондентов обладает предметом, тем больше колебаний вызывает его приобретение и/или предмет менее доступен. В обоих случаях предполагалось, что состоятельные семьи имеют большее количество таких предметов, чем бедные семьи, и поэтому данный предмет выступал более весомым показателем благосостояния семьи. Предварительные исследования, не представленные здесь ввиду ограниченного объема, показали, что этот показатель благосостояния намного лучше соотносится с доходами, субъективными оценками условий жизни и с некоторыми относительными переменными, чем оценочная денежная стоимость имущества, сосредоточенного в домашнем хозяйстве [30].

В предварительных исследованиях использовались три различных показателя доходов, чтобы выбрать из них один лучший. Это были: доходы респондента, общие доходы семьи и душевые доходы семьи (за месяц без вычета налогов). Общие доходы семьи, не разделенные на число ее членов, наиболее четко соотносятся со всеми другими показателями, и поэтому используются в качестве показателя при окончательном анализе.

Можно предположить, что рост или снижение доходов и благосостояния более четко, чем их размеры, соотносятся в определенный момент времени с восприятием улучшения или ухудшения условий жизни. Данные позволяют подсчитать доход и благосостояние как для 1997, так и для 1994 г., то есть можно вычислить также и фактические перемены. К большому удивлению, эта динамика демонстрирует в 1997 г. намного более слабую соотносимость с субъективными восприятиями и ожиданиями перемен, чем размеры благосостояния и доходов. Кроме того, их регрессивные коэффициенты незначительны, если доходы и благосостояние в 1997 г. остаются в моделях фиксированными. Остается проверить в дальнейших исследованиях, явилось ли это результатом ненадежных измерений фактических перемен или же отражением реального и общего типа соотношений. Независимо от этого, измерение фактических перемен в доходах и благосостоянии пришлось изъять из анализа; только доходы и благосостояние на 1997 год используются как независимые показатели.

Следует подчеркнуть, что демографические и социально-профессиональные характеристики касаются респондентов как индивидов, тогда как благосостояние, доходы и восприятие перемен в материальных условиях жизни — их семей. Мы предполагаем, что персональные характеристики индивидов вносят свой вклад в объективно измеряемые характеристики условий жизни их семей и, вместе с тем, влияют на их восприятие и оценки.

Социально-экономическое положение индивидов оценивается по относительным показателям уровня их образования, статуса занятости и классовой принадлежности, а именно — принадлежности к одной из четырех групп: индивидуальные фермеры, владельцы предприятий, служащие частного сектора и служащие общественного сектора. Различие между служащими частного и общественного сектора представляется особенно важным в условиях Польши, где в ходе преобразований частный сектор экономики развивается, а общественный сектор — сужается.

Придерживаясь теории человеческого капитала, мы полагаем, что образование является главным источником экономического вознаграждения [11; 23; 27]. В связи с этим мы не включаем профессиональный статус в число независимых показателей. Он значительно коррелирует с образованием; что же касается его отнесения к ресурсам или же к вознаграждениям, то здесь оценки неоднозначны.

В. Описательный анализ

Прежде, чем приступать к углубленному анализу, всегда желательно дать описание исследуемых явлений и их содержания.

Польша претерпевает радикальные социально-экономические преобразования политической и экономической систем. Обычно считают, что начальная стадия этих преобразований должна сопровождаться весьма

ощутимыми негативными побочными эффектами, в частности временным ухудшением условий жизни многих социальных групп и, возможно, даже населения в целом. Полагают также, что реформы уже привели к существенному улучшению экономического положения Польши, и что в среднем условия жизни тоже улучшаются. Адекватное восприятие этих улучшений, как и восприятие все еще испытываемых негативных последствий, чрезвычайно важно для поддержки народом политики реформ. В равной, если не в большей степени важны ожидания будущих перемен [10; 20; 28]. В связи с этим, с самого начала следует рассмотреть, как в Польше наряду с переменами в общей экономической ситуации в стране изменяется со временем восприятие перемен — в худшую либо в лучшую сторону — в материальных условиях жизни.

Вторая исходная задача анализа состояла в том, чтобы определить, насколько восприятие материальных условий жизни в Польше, где события развивались поистине драматически, отличается от восприятия перемен в других странах — как с устойчивой, развитой экономикой, так и испытывающих экономические трудности.

Имеющиеся данные позволяют сравнить восприятие изменяющихся условий жизни в Польше в 1994 и 1997 годах (см. табл. 1). Поскольку международный опрос относительно экономических отношений проводился в 1994—1995 годах в Польше, Финляндии и Австралии, можно провести сопоставление в международном масштабе (см. рис. 1).

Таблица 1

Оценка современных материальных условий жизни и ожидания соответствующих изменений в будущем (Польша, 1994—1997 г.)

Год, период	Намного лучше	Несколько лучше	Так же	Несколько хуже	Намного хуже	Всего
Являются ли материальные условия жизни, Ваши и Вашей семьи, лучшими или худшими чем ...						
Опрос 1994: 7-8 лет назад?	4,1	16,5	15,8	32,1	27,4	100,0
Опрос 1997: 8-10 лет назад?	8,2	24,6	15,8	25,6	25,8	100,0
Будут ли материальные условия жизни, Ваши и Вашей семьи, лучше или хуже, чем теперь...						
Опрос 1994: через 3 года?	4,5	36,6	35,2	15,7	8,0	100,0
Опрос 1997: через 3 года?	6,4	44,5	30,8	13,2	5,0	100,0

Примечание: Ответы “Трудно сказать” и вовсе отсутствующие ответы не учитывались при вычислении процента.

Табл. 1 показывает, что люди в Польше воспринимают сейчас свое материальное положение гораздо оптимистичнее, чем в 1994 г. Хотя большинство людей все еще полагают, что их материальные условия жизни хуже, чем к концу 1980-х годов, процент тех, кто ощущает улучшение, возрос от

20,6% в 1994 г. до 32,8% в 1997 г. Не менее очевидно возрастание числа тех, кто ожидает в будущем улучшения — от 41,1% до 50,9%.

Два аспекта следует подчеркнуть особо: во-первых, улучшение экономического положения страны ведет к более позитивному восприятию материальных условий жизни семей и росту оптимизма в ожиданиях на будущее; во-вторых, ожидания будущих перемен в Польше намного более оптимистичны, чем восприятие перемен в прошлом. Хотя все еще приблизительно половина населения рассматривает свои условия жизни как худшие, чем прежде, менее 15% ожидают, что эти условия ухудшатся, тогда как около половины ожидают улучшения.

И Финляндия, и Австралия отличаются от постсоциалистической Польши своей высоко развитой, капиталистической, свободно-рыночной, ориентированной на благосостояние экономикой. Однако, они отличаются и друг от друга. В первой половине 1990-х годов Финляндия испытала серьезные экономические трудности, проистекающие из краха советского рынка, от которого финская экономика чрезвычайно зависела. Положение стало улучшаться лишь совсем недавно, когда Финляндия присоединилась к Европейскому Сообществу. Впрочем, преобладание негативных процессов все еще было заметно в 1994 г., когда проводился финский опрос. В то же время Австралия переживала самый долгий за всю ее послевоенную историю период довольно умеренного (и не без некоторых отрицательных особенностей), но весьма стабильного экономического роста. Таким образом, следующий шаг должен был состоять в определении, отражаются ли такие международные различия в экономическом положении на восприятии населением условий жизни.

Вопросы, задаваемые в польском опросе 1994 г., касались только одного временного горизонта прошлых перемен (7–8 лет назад) и лишь одного временного горизонта будущих перемен (через 3 года). Финские вопросы 1994 г. также касались одного горизонта времени каждый. Однако четыре временных горизонта прошлых перемен и четыре временных горизонта будущих перемен исследовались в австралийском опросе 1995 г. и в польском опросе 1997 г. (8–10 лет, 5 лет, 3 года и 1 год). Результаты лучше всего видны в графическом представлении (см. рис. 1).

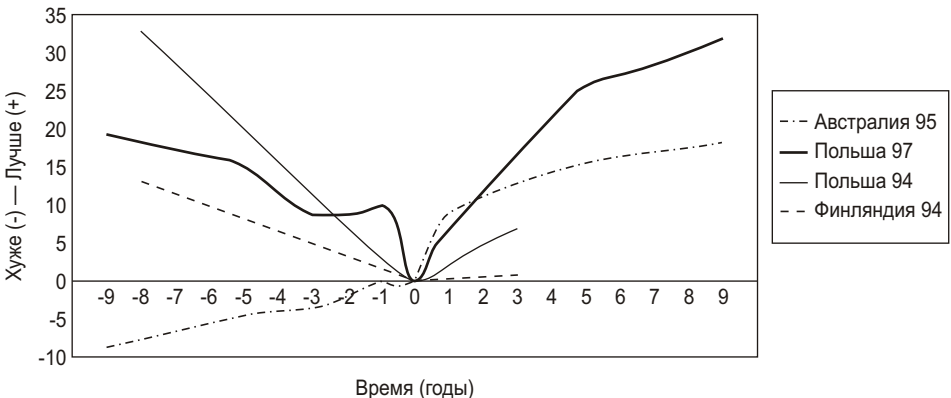

Рисунок 1. Оценка прошлых и ожидания относительно будущих условий жизни по сравнению с нынешними условиями. Польша, Финляндия и Австралия

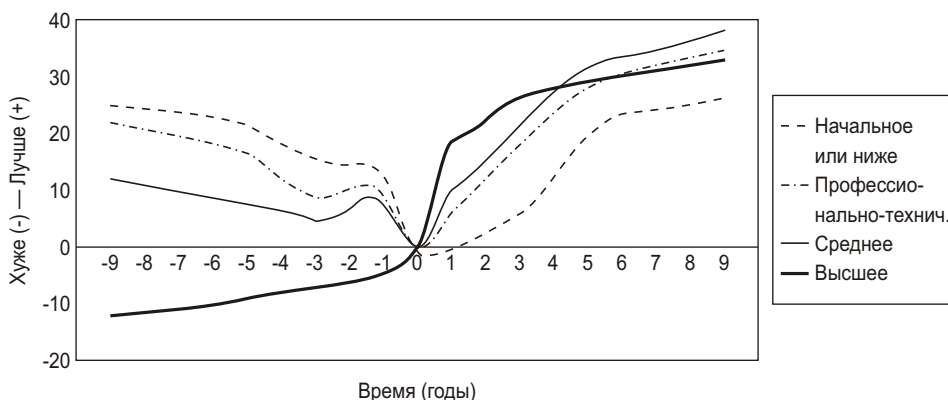

Рисунок 2. Образование и оценка прошлых и ожидания относительно будущих условий жизни по сравнению с нынешними условиями. Польша, 1997

Мы произвольно установили +100 пунктов в случае ответа респондентов, что их ситуация весьма улучшилась за указанный период; +50 — если несколько улучшилась; 0 — остается прежней; -50 — несколько ухудшилась и -100 — если намного ухудшилась. Подобные значения были соотнесены с ожиданиями будущих перемен. Б.Хеди (1993) цитирует литературу, указывающую, что в таких исследованиях можно использовать и порядковый, и интервальный масштабы. Чтобы представить тенденцию в виде графика, мы обратили показатели для прошлого, так, чтобы отрицательные числа обозначали такое прошлое, которое хуже настоящего времени, а положительные числа указывали такое ожидаемое будущее, которое лучше настоящего времени. Поскольку вопросы касаются материальных условий жизни в прошлом или в будущем по сравнению с настоящими условиями, последние служат контрольным пунктом, а показателем их значения установлен «0». Средние восприятия и ожидания населения в целом были вычислены для каждого временного горизонта. Теоретически эти значения могут располагаться в диапазоне от -100 (если все утверждают, что условия жизни их семей очень ухудшились или ухудшатся) до +100 (если все утверждают, что их условия очень улучшились или улучшатся); 0 обозначает отсутствие изменений. По оси X представлены временные горизонты (отрицательные числа для прошлых лет и положительные для будущих, 0 обозначает год опроса). Кривая представляет среднее восприятие прошлых и ожидания относительно будущих материальных условий жизни как лучших или худших, чем нынешние условия.

Рис. 1 отображает поразительные различия между тремя странами. Только австралийцы рассматривают свои материальные условия жизни как несколько лучшие, чем в прошлом. Они ощущают в последнее десятилетие устойчивое, хотя и не очень значительное, улучшение из года в год, за исключением последнего года, в течение которого никаких изменений в среднем замечено не было. И поляки, и финны в среднем расценивают свое состояние как ухудшение. Субъективное ухудшение более ощутимо в Польше, чем в Финляндии, особенно при сравнении настроений, исследованных в 1994 г. В 1997 г. настроения поляков намного более оптимистич-

ны, чем в 1994 г., хотя они все еще менее оптимистичны, чем настроения финнов в 1994 г.

Все эти различия хорошо отражают экономическую ситуацию во всех трех странах. Восприятие современных условий жизни по сравнению с прошлыми положительно в Австралии, весьма негативны в переживающей довольно болезненный процесс преобразований Польше и несколько в меньшей мере — в обеспокоенной Финляндии. Однако, улучшение польской экономики находит отражение в гораздо менее негативном, чем в 1994 г., восприятии условий жизни в этой стране, характерном для 1997 г.

Кроме того, это улучшение и, возможно, также лучшее понимание свободно-рыночных реформ делает поляков намного более оптимистичными в 1997 г., чем и финны, и австралийцы. Если среднестатистический финн не видел никаких шансов на улучшение своего материального положения, несмотря на перспективы вступления в Европейский Союз, то поляки ожидали умеренных, но весьма позитивных перемен в 1994 г. и очень существенных перемен в 1997 г. Австралийцы занимают место где-то между поляками 1994 и 1997 гг., намного выше, чем финны.

Г. Образование, возраст, социально-экономическое положение, материальные условия жизни в восприятии и ожиданиях

Дальнейший анализ относится только к Польше на 1997 год, хотя мы отметим некоторые особенности более общего характера. Векторность исследуемых корреляций, конечно, со временем не изменяется в значительной мере, хотя степень корреляции может претерпевать изменение. Нет оснований ожидать, что у разных народов эти взаимосвязи будут существенно отличаться, поэтому кратко остановимся на более ранних австралийских исследованиях, чтобы по возможности проверить это предположение¹.

Согласно гипотезе, образование оказывает существенное влияние на восприятие материальных условий жизни и ожиданий относительно их изменения в будущем, если не учитывать всех прочих показателей (см. рис. 2). Только люди с высшим образованием расценивают свое материальное положение как лучшее, чем в прошлом, и постепенно улучшающееся в течение последнего десятилетия. Все остальные расценивают свое положение как ухудшающееся, и чем ниже их образовательный уровень, тем негативнее восприятие. Впрочем, средние поляки ожидают в будущем существенного улучшения своих материальных условий жизни независимо от уровня образования. Даже менее образованные ожидают улучшения, хотя, конечно, оптимизма больше у более образованных людей.

Такая картина очень схожа с ситуацией в намного более богатой Австралии (не представленной здесь ввиду ограниченности объема), лишь с двумя исключениями. Не удивительно, что восприятие австралийцев в целом положительнее, чем у поляков. Однако в Австралии только люди

1

Когда это возможно и оправданно, мы обращаемся к предшествующему анализу Загурского.

без среднего образования расценивают свое положение как ухудшившееся, тогда как в Польше такое ухудшение ощущают люди и с только начальным, и со средним образованием.

Сходства же в уровне оптимизма относительно будущего даже больше. В обеих странах у людей оптимистические ожидания независимо от образования, хотя более образованные — более оптимистичны. В обеих странах главным образом различаются по уровню оптимизма люди с начальным или низшим образованием, с одной стороны, и средним или высшим — с другой. Восприятие же нынешнего материального положения по сравнению с прошлым дифференцировано по образованию более умеренно. Независимо от негативного восприятия своего нынешнего материального положения, поляки на всех образовательных уровнях несколько более оптимистичны, чем австралийцы.

И восприятие, и ожидания в большой степени зависят в Польше от социально-экономического положения, безотносительно к другим показателям (см. рис. 4).

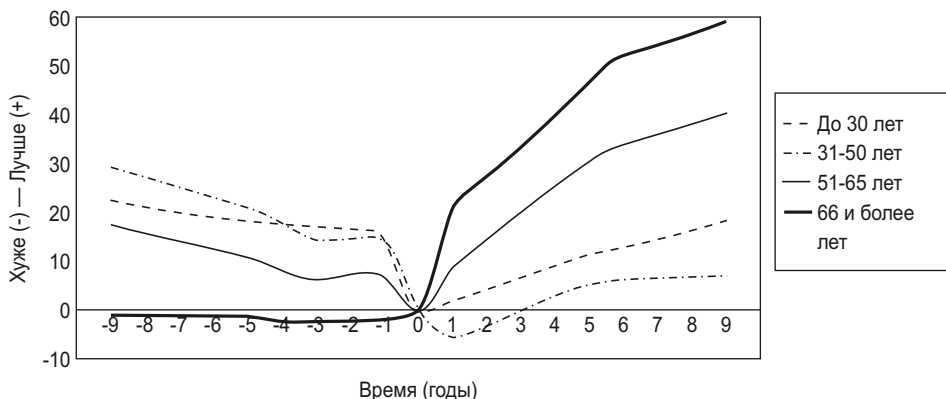

Рисунок 3. Возраст и оценка прошлых и ожидание относительно будущих условий жизни по сравнению с нынешними условиями. Польша, 1997

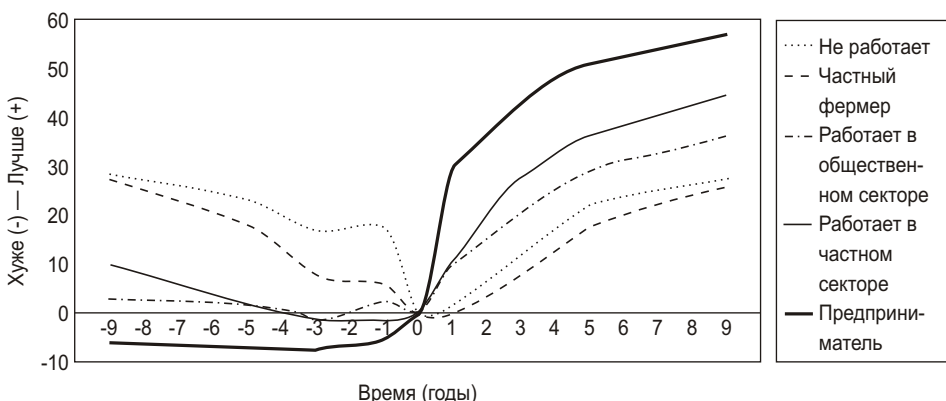

Рисунок 4. Экономическое положение и оценка прошлых и ожидание относительно будущих условий жизни по сравнению с нынешними условиями. Польша, 1997

Владельцы несельскохозяйственных предприятий, большинство из которых новички в этой категории, составляют единственную группу, которая расценивает материальные условия своей жизни как лучшие, чем в прошлом. Впрочем, их восприятие улучшений в среднем довольно незначительно. Частный сектор и общественный сектор в среднем существенно не различаются между собой. Они не усматривают в прошлом значительных перемен. Единственная категория, очень отрицательно воспринимающая свои нынешние условия жизни по сравнению с прошлым, — частные фермеры и те, кто не принадлежит к категории активной рабочей силы (в эту последнюю группу входят пенсионеры, домохозяйки, студенты и безработные). Они также наименее оптимистичны относительно своего будущего. Если все группы ожидают положительных перемен, то этот оптимизм дифференцирован по социально-экономическому положению. Предприниматели наиболее оптимистичны, служащие частного сектора следуют за ними, а служащие общественного сектора несколько менее оптимистичны. Но и они ожидают положительных перемен в большей мере, чем фермеры и неработающие.

Корреляция восприятия и ожиданий с возрастом очень схожа с их корреляцией с образованием. Самая молодая группа — единственная, расценивающая свои нынешние материальные условия как лучшие, чем в прошлом, даже если такое улучшение и очень незначительно. Молодежь также ожидает наиболее существенных положительных перемен в будущем. И восприятие, и ожидания менее оптимистичны у старших возрастных групп.

Так как образование в Польше очень тесно связано с возрастом, возникает вопрос, не является ли его (образования) воздействие на восприятие и ожидания относительно материальных условий жизни лишь кажущимся? Не зависят ли эти восприятие и ожидания в намного большей степени от возраста, который и следует использовать как критерий жизненного цикла. Фактически, справедливость этого тезиса доказана в случае Австралии, где корреляция “в массе” между образованием и возрастом, с одной стороны, и между восприятием и ожиданиями, с другой стороны, очень подобны наблюдающимся в Польше. Лучший способ доказать это состоит в том, чтобы вычислить регрессионные модели, в которых независимые показатели взаимоконтролируемы и показано их воздействие “в чистом виде”.

Д. Векторные модели детерминации восприятия и ожиданий материальных условий жизни

Восприятие существующих условий в сопоставлении с условиями в прошлом. Многократный регрессионный анализ, выполненный в несколько этапов, показывает, что влияние уровня образования (измеряемого количеством лет, соответствующих различаемым в опросе образовательным уровням) на восприятие и ожидания относительно материальных условий жизни полностью сглаживается, если учитывать возраст, даже не включая в модель социально-экономическое положение, благосостояние и доходы. Таким образом, если и не доказано, то весомо подтверждается предположение, что жизненный цикл — намного более важный детерминант субъективного уровня жизни, чем образование.

Каждая из векторных моделей, представленных на рис. 5–8, состоит из двух регрессионных уравнений, которые позволяют анализировать непосредственное влияние социально-демографических характеристик на восприятие и их косвенное влияние, проявляющееся через фактический доход и благосостояние семьи.

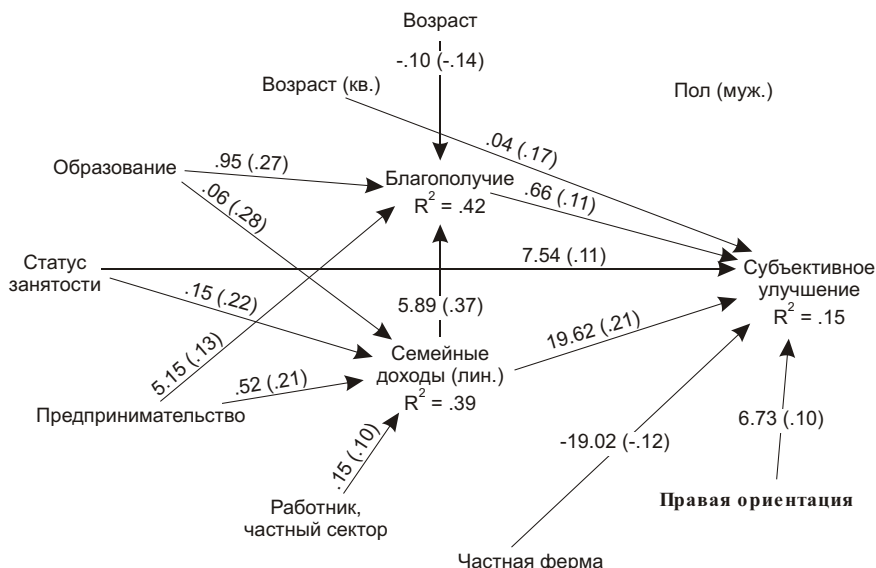

Рисунок 5. Векторная модель оценок нынешних условий жизни по сравнению с условиями 9–10 лет назад. Польша, 1997

Примечание: На диаграмме приведены только регрессионные коэффициенты, существенные как минимум на уровне 0.05. Стандартизированные коэффициенты — в скобках. Это относится также к рис. 6–12.

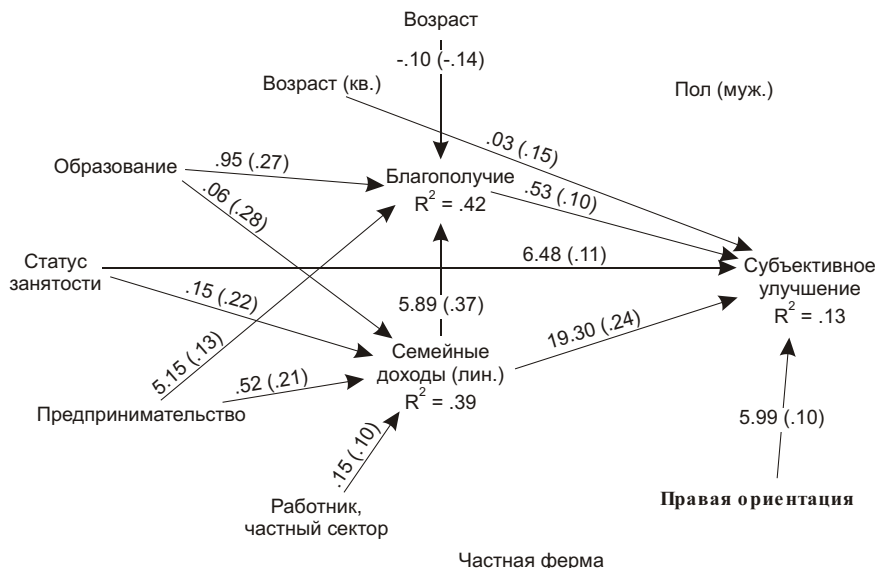

Рисунок 6. Векторная модель оценок нынешних условий жизни по сравнению с условиями 5 лет назад. Польша, 1997

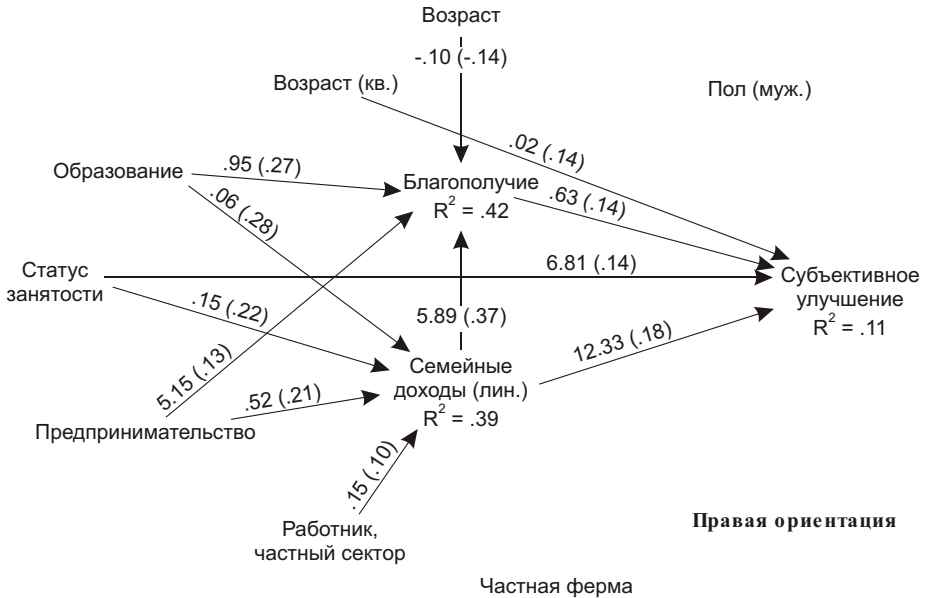

Рисунок 7. Векторная модель оценок нынешних условий жизни по сравнению с условиями 3 года назад. Польша, 1997

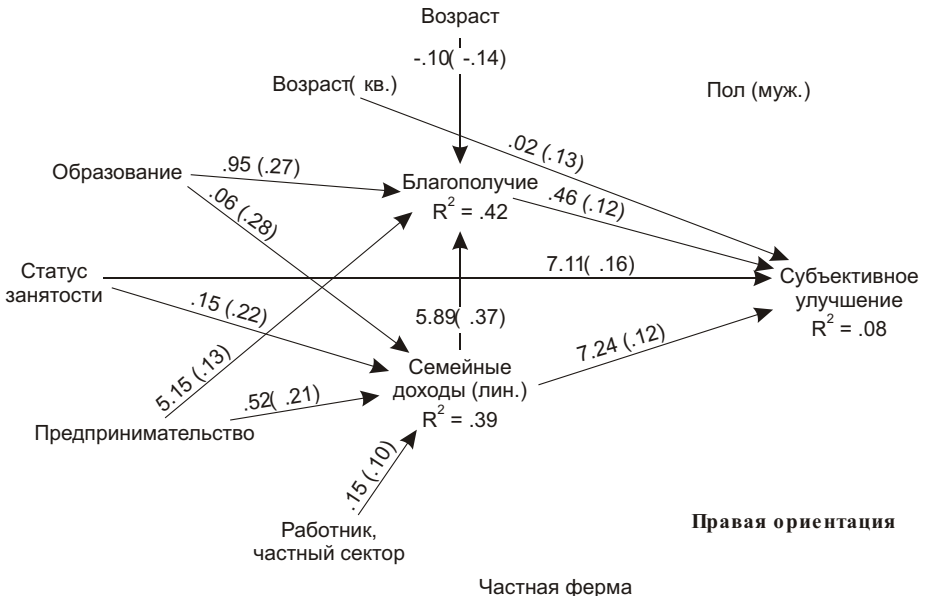

Рисунок 8. Векторная модель оценок нынешних условий жизни по сравнению с условиями год назад. Польша, 1997

В число характеристик индивида включен дополнительный показатель его установок, а именно самоидентификация по шкале левых и правых политических ориентаций. При этом исходили из того, что переменные в Польше имеют глубоко политический характер, и в связи с этим полити-

ческие симпатии могут влиять на восприятие и ожидания относительно условий жизни независимо от всех других показателей. Это оказалось справедливым в случае восприятия долговременных перемен (см. рис. 5, 6). Лица правой политической ориентации склонны расценивать свои нынешние материальные условия по сравнению с теми, которые были много лет назад, несколько оптимистичнее, чем левые, хотя на фактические доходы или благосостояние политические ориентации не влияют. Влияние политической ориентации на восприятие условий жизни несущественно в пределах не очень отдаленных временных горизонтов (см. рис. 7, 8). Этот аспект, однако, не столь важен для темы нашего исследования. Главные результаты можно обобщить следующим образом:

1. Образование, предпринимательская собственность и частный либо общественный сектор занятости (последнее определение использовалось в моделях как референтная категория) не оказывают прямого влияния на восприятие материальных условий жизни как лучших или худших, чем в прошлом. Однако они оказывают существенное влияние на реальные материальные условия — на доходы и на благосостояние, которые, в свою очередь, воздействуют на восприятие. Таким образом, эти характеристики оказывают косвенное, через формирование реальных условий, влияние на восприятие.

2. Частное фермерство не влияет на семейные доходы и благосостояние, по крайней мере, по данным нашего опроса. Отчасти это можно объяснить трудностями в оценке доходов от фермы, а отчасти тем фактом, что некоторые члены очень многих фермерских семей в Польше работают вне фермы, так что ее результативность затушевывается. Однако, независимо от недостатка такого прямого влияния на объективные материальные условия, частные фермеры выказывают тенденцию рассматривать эти условия как худшие, чем в случае других социально-экономических групп, по крайней мере, в долгосрочной перспективе (см. рис. 5). Эта тенденция не обнаруживается в не столь отдаленных временных горизонтах (см. рис. 6—8), но занятие фермерством снижает восприятие нынешних условий жизни по сравнению с 8—10 годами назад приблизительно на 20 пунктов по шкале, градуированной от -100 до +100.

3. Статус занятости — единственный социально-экономический показатель среди характеристик индивидов, который оказывает и прямое, и косвенное влияние на восприятие. Полная занятость увеличивает доходы семьи, хотя и не увеличивает накопление благ. Кроме того, полностью занятые проявляют тенденцию рассматривать материальные условия своей семьи как лучшие независимо от доходов семьи и благосостояния. Можно сделать вывод, что для людей важным элементом материальных условий жизни люди является и занятость как таковая, а не только доходы от нее.

4. Пол не оказывает влияния ни на объективное, ни на субъективное материальное благополучие. Это не удивительно, так как объективные и субъективные оценки условий определяются здесь для семьи в целом, а половая структура семей несущественно отличается от других дифференцирующих характеристик.

5. Возраст оказывает существенное, хотя и не прямое, влияние на восприятие материальных условий жизни, а также на реальные условия и социально-экономические характеристики в чистом виде. Молодежь вос-

принимает положение своих семей в наиболее оптимистическом свете. Со временем восприятие становится намного менее оптимистичным в среднем возрасте и снова улучшается в старшем возрасте. Вся кривая с возрастом слегка отклоняется к низу ввиду отрицательного косвенного влияния возраста, проявляющегося через благосостояние семьи. Отрицательное влияние возраста на благосостояние кажется алогичным, ибо благосостояние должно накапливаться с возрастом. Однако в быстро меняющихся обществах, подобных Польше, молодежь обычно имеет намного большие экономические возможности, чем старики. Различия способны достигать такой степени, что это может даже находить отражение в большем благосостоянии молодых семей, несмотря на меньшее время для его накопления. Вне всякой логики возраст респондента никак не влияет на доходы семьи. Это можно объяснить тем, что многие польские семьи состоят из нескольких поколений, так что влияние возраста индивидов затушевывается подобно влиянию занятия фермерством. Такое положение дел, очевидно, и выражается в алогичном соотношении между возрастом респондента и благосостоянием семьи. По нашему мнению, наиболее важное открытие состоит в том, что возраст оказывает существенное непосредственное и общее влияние на восприятие. Кроме того, его влияние сглаживает влияние образования, но отнюдь не затушевывается, если принимать во внимание другие социально-экономические характеристики респондентов — благосостояние, доходы их семей.

6. Наконец, следует подчеркнуть, что все проанализированные показатели лишь в незначительной степени объясняют разнообразие в восприятии. Диапазон значений R^2 простирается от 0,08 для восприятия современных материальных условий жизни по сравнению с условиями годичной давности (см. рис. 8) до 0,18 для восприятия перемен в течение 8—19 лет (см. рис. 5). В обычном случае 18% объяснимой разницы рассматривались бы как весьма удовлетворительный результат в исследованиях установок и других исследованиях мнения. Однако мы могли бы рассчитывать на гораздо лучшие данные, исходя из факта, что в наших моделях восприятие объясняется помимо иных переменных фактическими значениями воспринимаемых характеристик. Можно предположить, что полученный результат обусловлен быстро меняющимися экономическими, политическими и социальными условиями в Польше; в этих обстоятельствах трудно формировать адекватные оценки и беспристрастное восприятие, даже относительно собственного положения. Это, конечно, не истинная причина, по крайней мере, причина не главная, так как подобные значения R^2 были получены для почти идентичного перечня показателей в экономически и политически стабильной Австралии, где они располагаются в диапазоне от 0,09 для одногодичного горизонта времени до 0,19 для 8—10-летнего горизонта.

Ожидания на будущее. Можно было бы предполагать, что социально-экономические и демографические характеристики индивидов влияют на оценку собственных экономических возможностей в будущем и экономических возможностей своей семьи в большей степени, чем эти характеристики влияют на восприятие нынешнего положения. Но это справедливо лишь отчасти.

1. Политические ориентации, которые предположительно влияют на уровень оптимизма или пессимизма в стране, где происходят быстрые политические перемены, в Польше не оказывают существенного влияния на ожидания относительно улучшения или ухудшения материальных условий жизни семьи, независимо от временных горизонтов этих ожиданий (см. рис. 9–12).

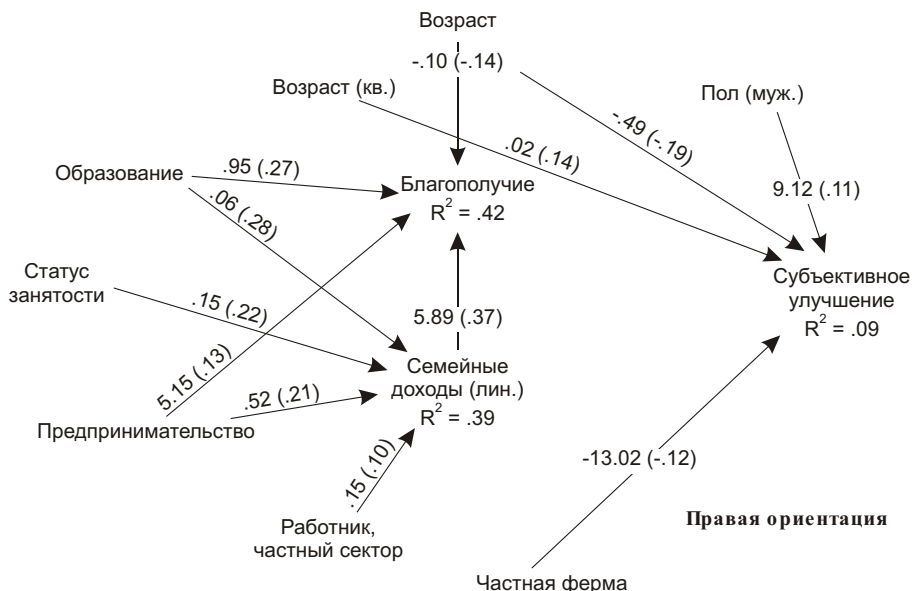

Рисунок 9. Векторная модель ожидаемых в следующем году условий жизни по сравнению с нынешними условиями. Польша, 1997

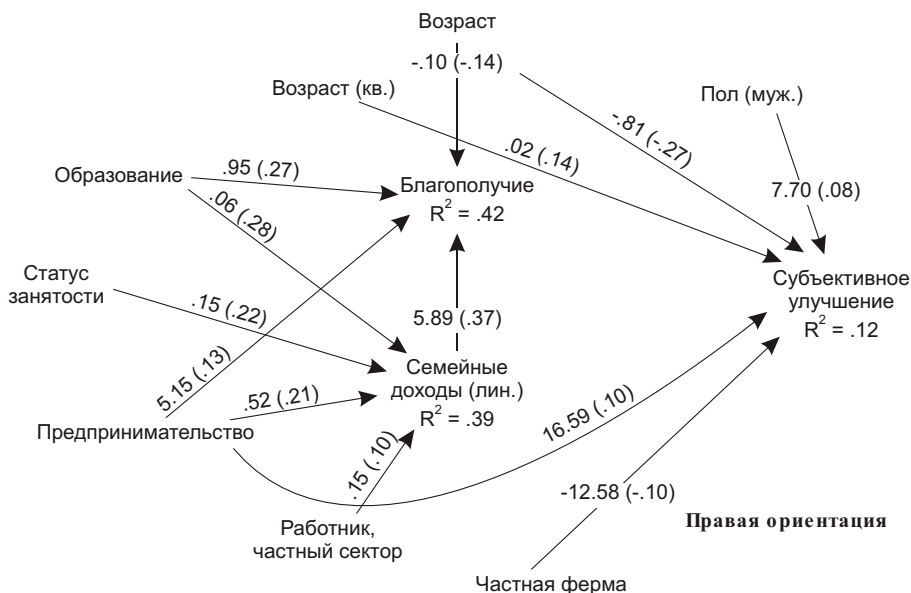

Рисунок 10. Векторная модель ожидаемых через 3 года условий жизни по сравнению с нынешними условиями. Польша, 1997

2. Образование, предпринимательская собственность и частный или общественный сектор занятости оказывают большее дифференцирующее влияние на ожидания, чем на восприятие. В чистом виде другой показатель, образование, которое не оказывало прямого влияния на восприятие материальных условий жизни, оказывает определенное воздействие на ожидания, что касается их перемен в среднем временном горизонте (см. рис. 11), хотя это не распространяется на более краткие или более длительные горизонты. Это влияние отрицательно, что может объясняться целым комплексом корреляций между возрастом, образованием и оптимизмом или пессимизмом. В соответствии с логикой, предпринимательская собственность повышает экономический оптимизм на всех временных горизонтах, кроме самого отдаленного (см. рис. 10–12). Однако служащие частного сектора (не предприниматели) проявляют тенденцию к экономическому пессимизму, во всяком случае в пределах среднего временного горизонта (см. рис. 11).

3. Частные фермеры расценивают свои материальные условия жизни как намного худшие, чем в прошлом; их восприятие более негативно, чем восприятие других социально-экономических групп. Они более пессимистичны, чем другие люди, в своих ожиданиях относительно дальнейших перемен в этом плане, но тоже лишь в случае среднего временного горизонта (см. рис. 10, 11).

4. Интересно, что статус занятости, который оказывает прямое положительное влияние на восприятие перемен в прошлом, никак не влияет на какие-либо ожидания. И у фермеров, и у неработающих восприятие более отрицательное, а ожидания более скромные, чем у представителей других социально-экономических групп. Различия между двумя первыми группами могут объясняться тем, что если неработающие могут рассчитывать в будущем на трудоустройство или поддержку членов семьи с возросшими доходами, фермеры не могут ожидать значительных перемен в своем положении.

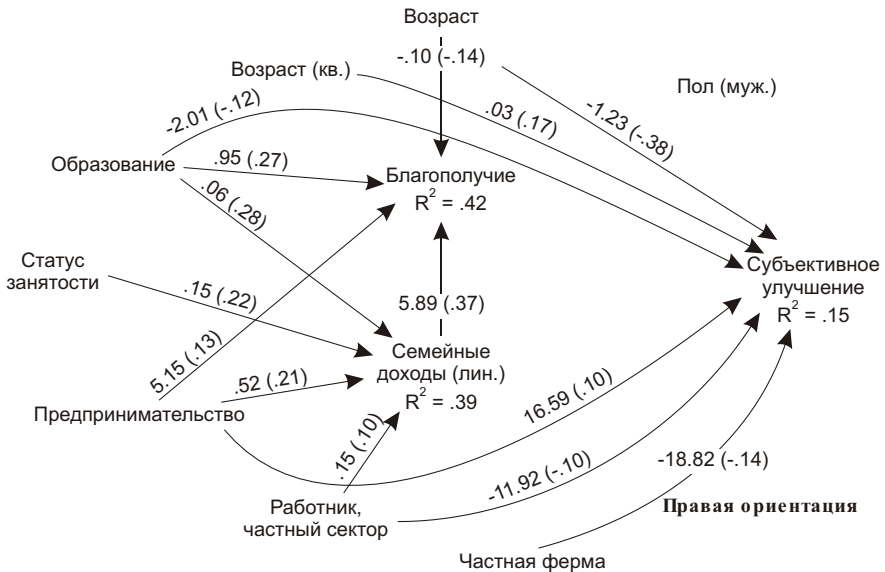

Рисунок 11. Векторная модель ожидаемых через 5 лет условий жизни по сравнению с нынешними условиями. Польша, 1997

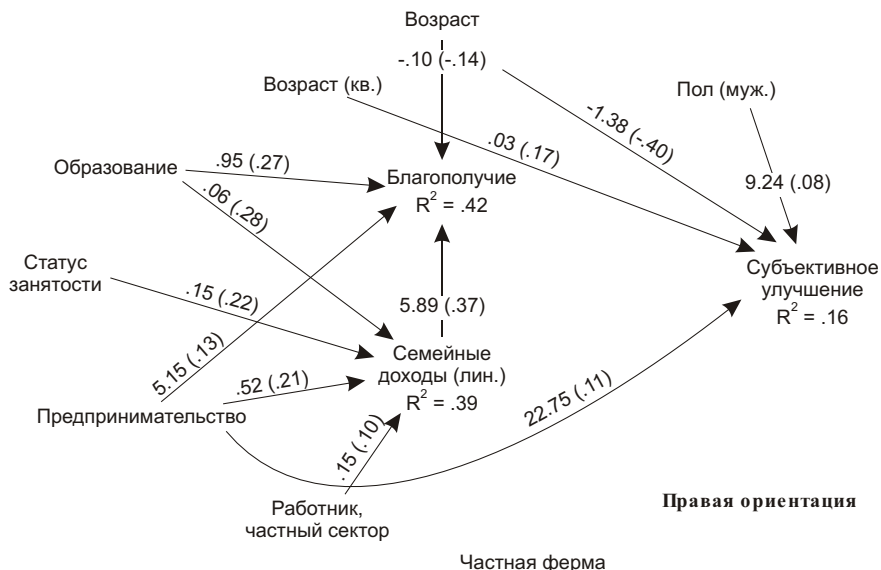

Рисунок 12. Векторная модель ожидаемых через 8–10 лет условий жизни по сравнению с нынешними условиями. Польша, 1997

5. Не оказывая никакого влияния на восприятие нынешних условий, пол существенно влияет на ожидания. За исключением ожиданий в 5-летнем временном горизонте, мужчины в целом более оптимистичны, чем женщины (см. рис. 9, 10, 12).

6. Подобно своему влиянию на восприятие, возраст оказывает существенное и сильное воздействие на ожидания. Чем старше люди, тем менее оптимистичны их ожидания насчет будущих условий жизни. Это соотношение, однако, отнюдь не прямолинейно. Уровень оптимизма быстро снижается от молодого до среднего возраста и затем снова повышается, хотя и не достигает первоначального уровня (лишь по отношению к ожиданиям в 3-летнем временном горизонте, как показано на рис. 10, прямо и непрямо отвечающее возрасту восприятие по причинам, не нашедшим объяснения, меняются местами, но поскольку это единственные исключения, ими можно пренебречь).

7. Процентные соотношения объяснимых различий в ожиданиях на будущее не слишком отличаются от процентных соотношений, относящихся к восприятию существующих условий жизни по сравнению с прошлыми. Их можно расценивать как весьма скромные. Намного более важен тот факт, что ни семейные доходы, ни благосостояние не оказывают воздействия на ожидания относительно перемен материальных условий жизни в будущем. Это сохраняется в моделях для всех временных горизонтов. Таким образом, в наших векторных моделях фактически нет никакого вектора, ибо нет никаких косвенных влияний. На уровень экономического оптимизма или пессимизма относительно положения семьи умеренно, если не слабо, влияет социально-экономическое положение, сильно влияет возраст и вообще не влияет действительное материальное положение. Подобные результаты были получены и в Австралии, где были обнаружены даже менее существенные влияния и где показатель R^2 для ожиданий намного ниже, чем в Польше.

Е. Оценка графиков влияния возраста

Из всех изложенных выше результатов следует, что возраст может быть важнейшим детерминантом как восприятия существующих материальных условий жизни в сопоставлении с прошлыми, так и ожидаемых в будущем условий в сопоставлении с настоящим временем. Это настолько важный детерминант, что он полностью сглаживает влияние образования. Подобно влиянию возраста на доходы, проанализированному многими экономистами [4; 5; 8], отношения между возрастом и субъективными материальными условиями жизни не прямолинейны. При таких обстоятельствах всецело оправданна попытка оценить отклонения, отражающие временные различия в восприятии и ожиданиях в тех случаях, когда все другие показатели остаются под контролем. На рис. 13 и 14 представлены такие графики, когда все независимые показатели, используемые в наших исследованиях — пол, характеристики социально-экономического положения, политические склонности, семейные доходы и семейное благосостояние — зафиксированы на средних уровнях для населения в целом.

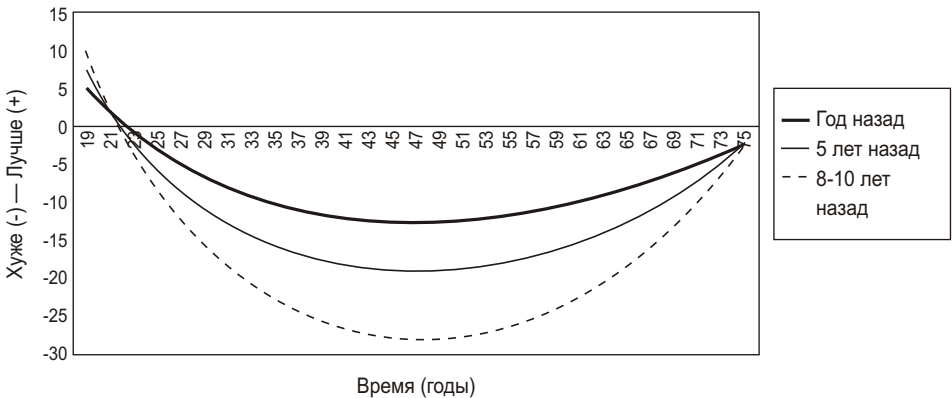

Рисунок 13. Возраст и оценка нынешних материальных условий жизни по сравнению с прошлыми условиями. Польша, 1997

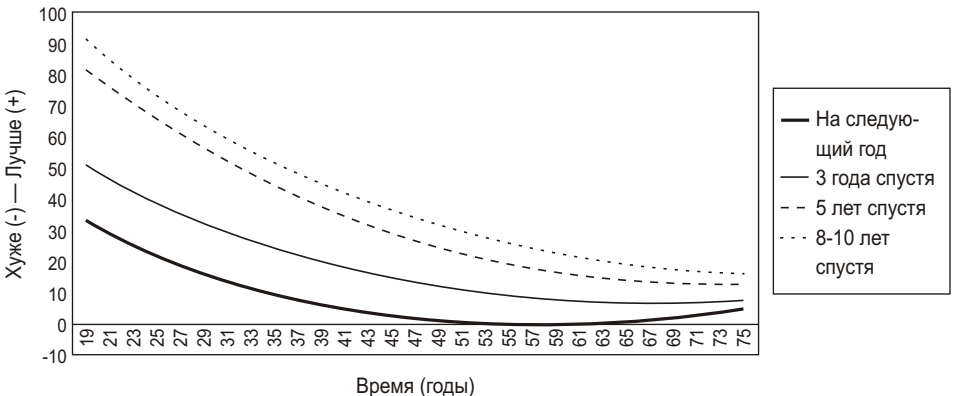

Рисунок 14. Возраст и ожидания изменений в материальных условиях жизни. Польша, 1997

Даже в таких искусственных условиях пол остается очень важным детерминантом как восприятия, так и ожиданий. Как показано на рис. 13, только лица моложе 23 лет расценивают нынешние материальные условия своих семей как лучшие, чем в прошлом, независимо от временного горизонта воспринимаемых перемен. Лица в возрасте около 25 и около 75 лет в равной мере не склонны усматривать значительные перемены. Лица старше 25 лет расценивают перемены в материальных условиях своих семей как ухудшение. Эти восприятия перемен наиболее отрицательны во временном горизонте 8–10 лет и для возраста около 50 лет, когда они достигают уровня –25 на шкале в пределах от –100 к +100. После 50-летнего возраста восприятие весьма быстро улучшается, поскольку пожилые люди вообще не усматривают значительных перемен.

Чем более отдален временной горизонт сравнения нынешних и прошлых условий жизни, тем больше восприятие зависит от возраста, и тем более криволинейны графики. В результате, все кривые пересекаются в пунктах возрастов около 25 и около 75 лет.

Хотя графики ожиданий также отражают сильное влияние возраста, они весьма отличаются от графиков восприятия (см. рис. 14). Молодежи свойственен намного больший оптимизм, чем старшим людям. Уровень их оптимизма весьма быстро снижается до приблизительно 40-летнего возраста. Однако вопреки нашим ожиданиям, кривая не меняет своего направления в возрасте около 50 лет. В результате, оптимизм достигает самого низкого уровня в возрасте между 55 и 65 годами, то есть перед уходом на пенсию и вслед за этим. Миновав эту психологически и экономически трудную стадию жизненного цикла, люди не ожидают слишком больших перемен в своих материальных условиях. Действительно, их оптимизм возрастает, особенно для ближайшего горизонта времени, но повышение минимально, если вообще заслуживает внимания.

Подобно восприятию, ожидания на будущее одновременно и более оптимистичны, и более подвержены влиянию возраста в рамках долговременных горизонтов, чем в случае кратковременных.

Эти общие результаты касаются общества в целом при условии, что все независимые показатели не изменяются с возрастом. Логичным следующим шагом было бы установить, отличаются ли графики для различных социально-экономических групп при условии, что все независимые показатели, кроме возраста, зафиксированы на средних уровнях, типичных для этих групп. Такие графики представлены на рис. 15 и 16, где в качестве примера использован 5-летний временной горизонт.

Из рис. 15 следует, что предприниматели не только рассматривают материальные условия жизни своих семей как лучшие, чем условия других социально-экономических групп, но и усматривают улучшение этих условий намного дольше или, точнее, вплоть до значительно старшего возраста, чем другие люди. Они начинают усматривать ухудшение, только приблизившись к 50 годам, в то время как обе группы служащих (общественного и частного сектора) начинают замечать ухудшение приблизительно на 10 лет раньше. Фермеры усматривают ухудшение уже приблизительно в 25-летнем возрасте, а неработающие не видят никаких улучшений даже в самом молодом возрасте.

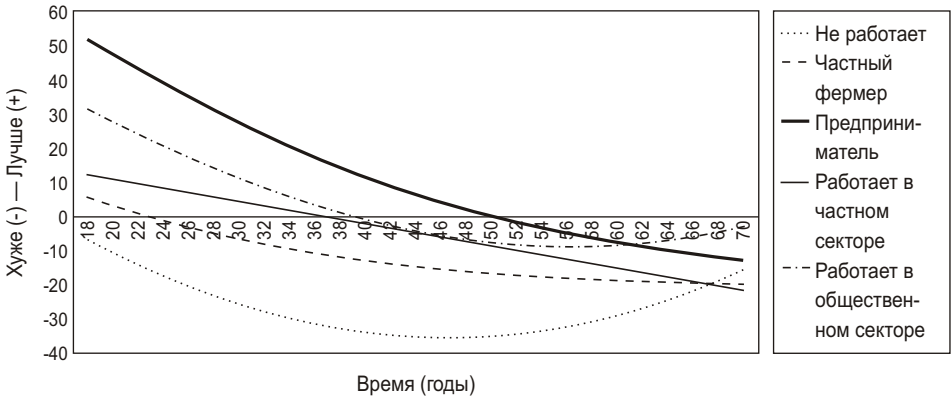

Рисунок 15. Сектор экономики, возраст и определяемая оценка нынешних материальных условий жизни по сравнению с условиями 5 лет назад. Польша, 1997

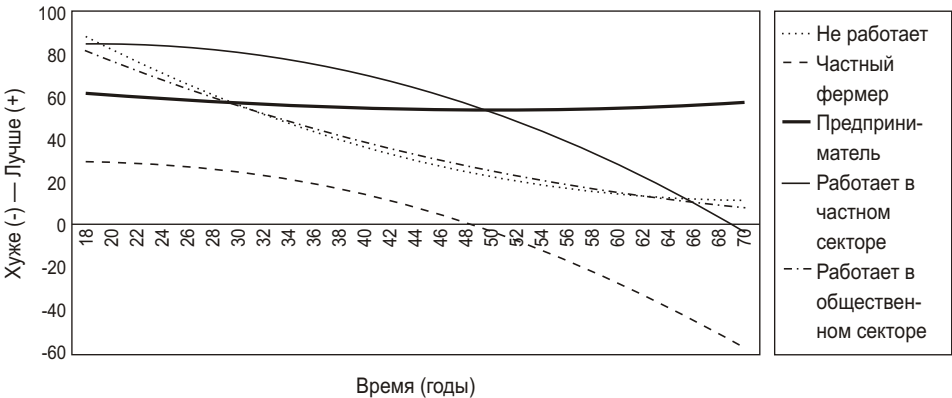

Рисунок 16. Сектор экономики, возраст и определяемые ожидания изменений в материальных условиях жизни 5 лет спустя. Польша, 1997

Кривые графиков различаются и по социально-экономическим группам. Неработающие отмечают наиболее острое ухудшение условий жизни приблизительно в 50-летнем возрасте. После этого возраста они видят намного меньше отрицательных перемен, возможно, намного меньше перемен в целом. То же относится к работникам общественного сектора, чье восприятие перемен в условиях жизни становится менее негативным после 50—55-летнего возраста, а до этой точки жизненного цикла ухудшается. Лица в возрасте около 60 лет и старше, то есть предпенсионного и пенсионного возраста, служащие общественного сектора усматривают даже меньшее ухудшение, чем предприниматели. Восприятие предпринимателей, хотя в целом более положительное, чем у других групп, обнаруживает незначительную криволинейность своей зависимости от возраста. Пожилые предприниматели расценивают свою ситуацию как худшую, чем более молодые, и этот спад необратим. Это можно объяснить тем фактом, что старшие люди в этой группе — преимущественно мелкие и традиционно существовавшие здесь частные торговцы, переживавшие относительно хо-

рошие времена еще при социалистической системе, когда господствующая экономика не справлялась со спросом на разнообразные товары и услуги. В настоящее время они ввергнуты в намного более сильную конкуренцию с большими и более сильными игроками на рынке, открытом и для больших частных предприятий, и для импорта. Короче говоря, мелкие предприниматели типа лавочников и торговцев, парадоксальным образом составляли материально привилегированную группу в системе государственного социализма, а сейчас не могут совладать с новой экономической ситуацией.

Подобная невыраженность криволинейности в соотношении между возрастом и уровнем жизненных восприятий, вероятнее всего вызванная подобными же причинами, свойственна частным фермерам и служащим частного сектора, хотя в среднем восприятие этих групп, конечно, не совпадает.

Графики ожиданий относительно будущих перемен различаются и по социально-профессиональным группам. Предприниматели, которые в среднем наиболее оптимистичны, и чье восприятие прошлого устойчиво зависит от возраста, не обнаруживают почти никакой корреляции между возрастом и ожиданиями. Даже пожилые люди, считающие свои нынешние условия жизни худшими, чем в прошлом, выражают почти такой же оптимизм относительно будущего, как и молодые.

Оптимизм всех остальных групп очень подвержен влиянию возраста, хотя — как в случае с восприятием — кривые графиков различны работающих в государственном секторе и людей не работающих, с одной стороны, и частных фермеров и занятых в частном секторе — с другой. Оптимизм первых двух групп весьма быстро уменьшается к 40—50-летнему возрасту, после которого стабилизируется, тогда как оптимизм двух последних групп постепенно уменьшается в молодом возрасте и намного быстрее — после 40—50-летнего возраста.

Ж. Объективные критерии восприятия материальных условий жизни и уровень удовлетворенности ими

Прежние исследования показывают весьма умеренные корреляции между объективными показателями условий жизни и субъективной удовлетворенностью жизнью — и в самом общем плане, и глубже, на уровне той или иной жизненной “сферы” [9]. Наша гипотеза состоит в том, что восприятие составляет отсутствующее звено, и поэтому его следует включить в модель.

Б.Хеди приводит Пирсоновский коэффициент корреляции между доходами и удовлетворенностью от доходов, равный 0,33. Мы получили подобные корреляции между удовлетворенностью материальными условиями жизни вообще и семейными доходами (0,31), а также благосостоянием семьи (0,29). В соответствии с нашей гипотезой, корреляция между удовлетворенностью материальными условиями жизни и их восприятием как лучших или худших, чем в прошлом, выше, чем корреляция с фактически условиями на время опроса. Первые колеблются от 0,32 для сравнений в рамках одного года до 0,40 для сравнений в 8—10-летнем временном горизонте.

Корреляция между фактическими условиями жизни, то есть доходами семьи и благосостоянием, и восприятием этих условий весьма умеренна. Она колеблется от 0,19 до 0,30 в зависимости от временного горизонта восприятия и типа объективного показателя (доход или благосостояние). Таким образом, как объективные критерии материальных условий, так и их восприятие по сравнению с условиями в прошлом можно включить в качестве определителей в регрессионную модель удовлетворенности уровнем жизни. Конечно, лишь один показатель восприятия может быть включен в модель, ибо восприятие в различных временных горизонтах очень взаимосвязаны, так что возникла бы проблема однолинейности. Мы избрали для использования в качестве примера восприятие в 5-летнем временном горизонте.

Регрессионное уравнение, вычисленное для перечня независимых показателей, сходных с вышеприведенными моделями, выглядит следующим образом (стандартизированные коэффициенты в круглых скобках; * — значимо на уровне 0,05; ** — значимо на уровне 0,01:

$$\begin{aligned}
 &\text{Удовлетворенность материальными} \\
 &\text{условиями жизни} = 1,82 (0,02) x \text{ мужчина} \\
 &\quad + 0,53 (0,19) x \text{ возраст}^{**} \\
 &\quad + 0,02 (0,13) x \text{ возраст (кв.)}^{**} \\
 &\quad + 0,38 (0,03) x \text{ образование} \\
 &\quad + 7,08 (0,04) x \text{ предприниматели} \\
 &\quad - 0,33 (0,00) x \text{ частный фермер} \\
 &\quad - 3,11 (-0,03) x \text{ служащий частного сектора} \\
 &\quad + 1,93 (0,04) x \text{ статус занятости} \\
 &\quad - 3,06 (-0,06) x \text{ правые симпатии} \\
 &\quad + 10,60 (0,16) x \text{ доходы семьи (лин.)}^{**} \\
 &\quad + 0,79 (0,19) x \text{ благосостояние семьи}^{**} \\
 &\quad + 0,25 (0,31) x \text{ восприятие условий}^{**} \\
 &\quad - 136,32 \text{ (константа)}. R^2 = 0,27.
 \end{aligned}$$

Четыре результата следует подчеркнуть. Во-первых, включение восприятия в число независимых показателей, объясняющих удовлетворенность материальным уровнем жизни, приводит к возрастанию R^2 по сравнению с другими моделями удовлетворенности, которые не содержат показателя восприятия (напр.: [9]). Во-вторых, включение данного показателя не сглаживает влияния, обусловленного объективными критериями условий жизни, такими как доходы семьи и благосостояние. Все эти показатели влияют на уровень удовлетворенности независимо друг от друга. В-третьих, криволинейная зависимость от возраста остается явно выраженной. Наконец, в-четвертых, показатели, характеризующие место индивидов в социально-экономической структуре, не оказывают прямого влияния на уровень удовлетворенности. Поскольку их прямое влияние на восприятие выражено столь же слабо, все их значимое воздействие на удовлетворенность проявляется косвенно, через влияние на фактические материальные условия, измеряемые по объективным критериям.

Выводы

Социально-экономические характеристики людей оказывают слабое прямое (чистое) воздействие на субъективное восприятие и ожидания относительно перемен в материальных условиях жизни, а также на удовлетворенность этими условиями. Главным образом их значимое воздействие проявляется косвенно, через фактические материальные условия. Это в особенности касается образования, показателя наиболее существенного с точки зрения теории человеческого капитала.

Различные социально-экономические характеристики оказывают неодинаковое воздействие не только на восприятие и ожидания, но и на отношения между возрастом и этими двумя показателями.

Объективно измеряемые условия жизни оказывают умеренное, хотя и очевидное воздействие на восприятие, ожидания и удовлетворенность, хотя их влияние на удовлетворенность в целом проявляется косвенно, через восприятие.

Еще менее прямым и в силу этого намного более слабым является воздействие на удовлетворенность социально-экономических характеристик индивидов. Это воздействие проявляется главным образом через фактические условия. Последние формируют восприятие, которое, в свою очередь, влияет на уровень удовлетворенности.

Восприятие составляет отсутствующее звено в традиционном исследовании детерминант удовлетворенности жизнью. Их включение в число независимых показателей делает объяснение уровня удовлетворенности более завершенными, как в логическом, так и в статистическом смысле.

Возраст как выражение жизненного цикла — очень важный детерминант восприятия и ожиданий относительно перемен в материальных условиях жизни, как и удовлетворенности этими условиями.

Литература

1. *Acemoglu D., Scott A.* Consumer confidence and rational expectations: are agents' beliefs consistent with the theory? // *The Economic Journal*. — 1994. — № 104. — P. 1–19.
2. *Angevine G.E.* Forecasting consumption with a Canadian consumer sentiment measure // *Canadian Journal of Economics*. — 1974. — Vol. 7.
3. *Bradburn N.M.* *The Structure of Psychological Well-being*. — Chicago: Aldine, 1969.
4. *Creedy J.* Life time earnings and inequality // *Economic Records*. — 1991. — Vol. 67. — № 196.
5. *Creedy J.* *Income, Inequality and life cycle*. — Aldershot: Edward Elgar, 1992.
6. *Defris L.V., McDonnell J.S.* Australian household saving and durable good expenditure // *Economic Activity*. — 1980. — Jan.
7. *Diener E.* Subjective well-being // *Psychological Bulletin*. — 1984. — Vol. 45. — P. 542–575.
8. *Harding A.* *Lifetime Income Distribution and Redistribution*. — Amsterdam: North Holland, 1993.
9. *Headey B.* An economic model of subjective well-being: integrating economic and psychological theories // *Social Indicators Research*. — 1993. — Vol. 28. — P. 97–116.
10. *Hirschman A.O.* *Essays in Trespassing: Economies to Politics and Beyond*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

11. *Horan P.M.* Is status attainment research atheoretical? // *American Sociological Review*. — 1978. — Vol. 43. — № 4. — P. 534–541.
12. *Katona G.* *The Powerful Consumer*. — New York: McGraw Hill, 1960.
13. *Klein P.A. (ed.)* *Analysing Modern Business Cycles: Essays Honouring Geoffrey H. Moore*. — Armonk (N. Y.): M. E. Sharpe Inc., 1990.
14. *Larsen R.J., Diener E., Emmons R.A.* An evaluation of subjective well-being measures // *Social Indicators Research*. — 1985. — Vol. 17. — P. 1–8.
15. *Lewis-Beck M.S.* *Economics and Elections: the Major Western Democracies*. — Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1991.
16. *McAllister I., Ascuí A.* Voting patterns // *McAllister I., Warhurst J. (eds.)*. *Australia Votes*. — Melbourne: Longman Cheshire, 1988.
17. *McDonnell J.S.* The application of consumer sentiment data // *Australian Economic Review*. — 1979. — Vol. 3. — № 79.
18. *McDonnell J.S.* Economic attitudes as predictors of election results: some international results // *IAESR Working Papers Series*. — Melbourne: The University of Melbourne. — 1994. — № 6.
19. *Mueller E.* Ten years of consumer attitude surveys: their forecasting record // *Journal of American Statistical Association*. — 1963. — Vol. 58.
20. *Offe C.* Capitalism by democratic design? Democratic theory facing the triple transition in East-Central Europe // *Social Research*. — 1991. — Vol. 58. — № 4.
21. *Shapiro H.T.* The index of consumer sentiment and economic forecasting: A reappraisal // *Strumpel B., Morgan J. N., Zahn E. (eds.)*. *Human behaviour in economic affairs*. — Amsterdam: Elsevier, 1972.
22. *Smit E.* A systemic comparison of expenditure models of the South African economy excluding and including opinion survey variables // *CIRET Studien*. — 1984. — Vol. 34.
23. *Stinchcombe A.E.* Some empirical consequences of the Davis-Moore theory of stratification // *Bendix R., Lipset S. M. (eds.)*. *Class, status, power*. — London: Routledge and Kegan Paul, 1968. — P. 69–72.
24. *Strumpel B., Morgan J.N., Zahn E. (eds.)*. *Human Behaviour in Economic Affairs*. — Amsterdam: Elsevier, 1972.
25. *Strumpel B., Zeigler R.* Consumer sentiment in Europe — lessons from 15 years. Paper presented to the 18 CIRET Conference. — Zurich, 1987.
26. SRC: Surveys of Consumers — Historical Data. — Michigan: The University of Michigan. Survey Research Centre, 1994.
27. *Thurow L.C.* *Investment in human capital*. — Belmont (Cal.): Wadsworth, 1970.
28. *Zagorski K.* Hope factor, inequality and legitimacy of systemic transformation // *Communist and Post-communist Studies*. — 1994. — Vol. 27. — № 4.
29. *Zagorski K.* Socio-economic position and attitudes to economic reforms in Australia // *IAESR Working Paper Series*. — Melbourne: The University of Melbourne. — 1996. — № 1.
30. *Zagorski K.* Time horizons of evaluations of past changes and expectations for future changes in material living conditions: an exploratory analysis // *MIAESR Working Papers*. — Forthcoming.
31. *Zagorski K., McDonnell J.S.* Consumer confidence indexes as social indicators // *Social Indicators Research*. — 1995. — Vol. 36. — № 3.

Приложение 1. Описание показателей

Показатели	Вопросы анкеты	Описание	Значения	Степень отклонения
Субъективное улучшение по сравнению с периодом 8–10 лет назад	Ваши доходы, доходы Вашей семьи и материальные условия жизни лучше или хуже, чем 8–10 лет назад?	Пятиуровневая шкала: 100 — намного лучше; 50 — не-сколько лучше; 0 — такие же; -50 — не-сколько хуже; -100 — намного хуже	-18,03	65,82
...5 лет назад	... 5 лет назад?	— “ —	-13,49	56,77
...3 года назад	... 3 года назад?	— “ —	-8,63	48,84
...год назад	... год назад?	— “ —	-8,75	43,18
Ожидаемое улучшение через один год	Каковы Ваши ожидания относительно будущего? Станут ли Ваши доходы, доходы Вашей семьи и материальные условия жизни лучше или хуже за один год?	100 — намного улучшатся; 50 — не-сколько улучшатся; 0 — будут прежними; -50 — несколько ухудшатся; -100 — намного ухудшатся.	6,71	41,88
...через 3 года	... за 3 года?	— “ —	17,03	47,97
...через 5 лет	... за 5 лет?	— “ —	27,11	53,17
...через 8–10 лет	... за 8–10 лет?	— “ —	33,55	55,87
Удовлетворенность материальными условиями жизни	Удовлетворены ли Вы Вашими ... доходами и финансовым положением? ... материальными условиями жизни, такими как жилье, предметы домашнего обихода и т.п.?	Среднее значение по двум ответам, каждый определяется как: 100 — очень удовлетворен; 50 — скорее удовлетворен; 0 — так себе; -50 — скорее не-удовлетворен; -100 — очень не-удовлетворен	-26,05	45,12
Пол	Пол	1 — Мужчина; 0 — женщина	0,44	0,50
Возраст	Год рождения	Возраст от 21 до 89 (1997 — год рождения)	49,61	16,25
Возраст (в квадрате)	— “ —	(Возраст - 49) ²	264,33	282,33
Образование	Какое у Вас образование? Какой степени у Вас диплом о высшем образовании? (Закрытые вопросы)	Годы от 4 до 19, определяются по 10 образовательным уровням и 3 уровням высшего образования.	10,15	3,17

Доходы семьи	Отдельные вопросы о ежемесячных доходах респондента и супруга (супруги) от: поступлений благотворительных организаций и пенсии; доли в прибылях и ценных бумагах; собственного дела; работы и совокупного дохода других членов семьи	Злотые (естественные логарифмы)	7,00	7,00
Богатство	Есть ли в Вашем домашнем хозяйстве перечисленные ниже вещи?	Фиксируемые значения "относительных ценностей" из 10 предметов собственности (см. текст)	58,80	11,02
Статус занятости	Какова была Ваша основная деятельность за последнюю неделю?	3-уровневая шкала: 2 — занят полную рабочую неделю; 1 — занят неполное время; 0 — не работал	0,93	0,97
Частный фермер	Определяется по 3 вопросам относительно занятости, экономического сектора и характера деятельности	Подставной показатель. Категорией для сопоставления являлись служащие общественного сектора; 100 % = работающее население	0,20	0,40
Предприниматель (не фермер)	— “ —	— “ —	0,09	0,28
Служащий частного сектора	— “ —	— “ —	0,29	0,46
Политическая ориентация (правая—левая)	Ваши политические убеждения и точка зрения (левые или правые)?	5-уровневая шкала: 1 — крайне левый; 2 — умеренно левый; 3 — центрист; 4 — умеренно правый; 5 — крайне правый.	3,10	0,99